Александр СМИРНОВ
Ответственный секретарь Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре государств - участников СНГ, доцент, кандидат юридических наук
smirnov_research@bk.ru

Николай АНДРЮХИН
Заместитель декана международно-правового факультета МГИМО МИД России, доцент, кандидат юридических наук
nikolay_andryhin@mail.ru

Терроризм одиночек как современная форма террористической деятельности

Многочисленные террористические атаки последнего времени в Европе и США* заставили обратить пристальное внимание на феномен терроризма одиночек. Эта участь не миновала и Россию - за последние годы также были совершены несколько нападений подобного типа**.

*Серия терактов в Париже 13.11.2015, расстрел в здании центра для людей с ограниченным возможностями в Сан-Бернардино 02.12.2015, теракты в аэропорту и метрополитене Брюсселя 22.03.2016, захват и расстрел заложников в гей-клубе в Орландо 12.06.2016, террористическая атака с применением автомобиля в Ницце 14.07.2016, нападение с топором в поезде в Вюрцбурге 18.07.2016, расстрел посетителей торгового центра в Мюнхене 22.07.2016.

**Террористический акт на Джемикентском посту ГИБДД в Дагестане 15 февраля 2016 г., нападение на пост ДПС в Московской области 17 августа 2016 г., ножевая атака в Сургуте 19 августа 2017 г., 18 февраля 2018 г. в г. Кизляр Республики Дагестан местный житель, 1995 года рождения расстрелял из охотничьего оружия прихожан, выходивших из православной церкви. Позже в сети «Интернет» было опубликовано видео, на котором исполнитель теракта принес присягу («байят») лидеру запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» Абу Бакру аль-Багдади [12].

При рассмотрении феномена терроризма одиночек исследователь оказывается в ситуации определенного когнитивного диссонанса. С одной стороны, индивидуальные террористические акты традиционно рассматривались как одна из форм террористической деятельности и включались в научные классификации видов терроризма [1, 2, 3, 6, 7]. С другой стороны, очевидно, что современная волна нападений одиночек имеет определенную качественную новизну, которая не позволяет их рассматривать как линейное развитие одиночных терактов прошлого.

Несмотря на широкий общественный резонанс и большое количество публикаций в средствах массовой информации и интернет-ресурсах, проблема терроризма одиночек не получила еще полноценного научного осмысления в отечественной науке. Настоящая статья призвана внести определенный вклад в научную разработку данной проблематики и стимулировать интерес российских ученых к ее дальнейшему комплексному изучению.

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА ОДИНОЧЕК

Несмотря на то что о феномене одиночного терроризма стали широко говорить в последние несколько лет в связи с упомянутыми атаками, совершенными сторонниками ИГИЛ, сам он имеет гораздо более продолжительную историю развития. Более того, его можно рассматривать как некую архаичную форму террористической деятельности, возрождение которой противоречит фундаментальной линии эволюции террористической угрозы в XX - начале XXI века - росту организованности террористических образований и созданию мощных национальных и даже транснациональных террористических организаций [5. С. 47, 56].

Однако в действительности такое представление будет неверным, поскольку в настоящее время речь идет, скорее, об использовании международными террористическими организациями тактики одиночных атак, имеющих массовый характер и инспирированных благодаря применению современных информационных технологий.

Перед раскрытием характеристики современных проявлений феномена терроризма одиночек предельно кратко рассмотрим его предысторию. Не погружаясь в глубину веков, отметим, что одним из

самых известных примеров террористов-одиночек XX века является житель США Тед Качинский («Унабомбер»). В период с 1978 по 1995 год данный выпускник Гарвардского университета отправил по обычной почте 16 бомб, адресатами посылок были американские авиакомпании и университеты. В результате три человека погибли, более двух десятков граждан получили ранения. Позже Тед Качинский подготовил собственный манифест и потребовал, чтобы его опубликовали в прессе. Он сделал попытку объяснить, что при помощи взрывов хотел привлечь особое внимание к процессу утраты человеком свободы, а главным виновником этого указывал современные технологии [10].

В XXI веке наиболее резонансным случаем террористической атаки одиночки, совершенным до появления ИГИЛ, стали теракты в Норвегии 22 июля 2011 года. В этот день сначала был осуществлен подрыв радиоуправляемого взрывного устройства, заложенного в автомобиле в правительственном квартале в Осло (восемь человек погибли, 209 получили ранения), а затем целенаправленный расстрел из огнестрельного оружия участников молодежного летнего лагеря на острове Утейя (убито 67 человек, ранено 110). Исполнителем терактов выступил Андерс Брейвик - норвежский националист, автор праворадикального манифеста «2083-Декларация независимости Европы». Примечательно, что в последнем воспроизводятся некоторые фрагменты из текста Теда Качинского.

Исследователь И.Ю.Сундиев называет в качестве прообраза современной волны атак одиночек в Европе так называемую «интифаду ножей» в Израиле [11]. Данным термином описывается серия нападений на сотрудников правопорядка и мирных граждан Израиля со стороны радикально настроенных палестинцев, начавшаяся в сентябре 2015 года после выступления палестинского Президента Махмуда Аббаса, выступившего с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН и призвавшего к неподчинению и террору. Началом обострения конфликта между палестинскими арабами и израильтянами, имеющего длительную историю, стали беспорядки на Храмовой горе в сентябре 2015 года. В ходе последующих месяцев, вплоть до марта 2016 года, атаки палестинских радикалов на израильских жителей и силовиков совершались практически ежедневно (иногда несколько раз в сутки), при этом в качестве оружия нападения использовались камни, ножи, огнестрельное оружие, самодельные бомбы. Имели место и многочисленные факты целенаправленного

наезда водителей автотранспортных средств на людей. «Интифада ножей» завершилась только в конце 2016 года, ее итогом стало большое количество убитых и раненых израильских правоохранителей, военных и гражданских лиц. Большинство нападавших было ликвидировано на месте, что дало основание радикально настроенным палестинским политическим деятелям прославлять данные нападения как героические акты мученичества.

Описанные террористические нападения палестинских арабов на евреев стали очередным этапом кровавого противостояния между ними, длящегося с начала XX века и особенно активизировавшегося после окончания Арабо-израильской войны 1947-1949 годов. Его отличительными чертами стали широкое применение ножей в качестве средств нападения и активное участие в данных атаках подростков в возрасте от 13 лет [18]. Еще одним значимым отличительным признаком стало вовлечение ИГИЛ в данный процесс. Террористическая организация, по свидетельству израильских властей, также осуществляла подстрекательство к совершению терактов против евреев, в том числе с использованием тактики «одиноких волков» [22, 23].

Массовое распространение в Европе феномен терроризма одиночек получил именно в связи с деятельностью ИГИЛ благодаря умело проведенной информационно-пропагандистской кампании. Необходимо отметить, что данная террористическая организация была не первой исламистской структурой, распространяющей призывы к совершению актов «одиночного джихада». После атаки 11 сентября 2001 года в ответ на эффективные контртеррористические действия США один из идеологов «Аль-Каиды» (запрещена в России) Абу Мусаб ас-Сури предложил концепцию индивидуального джихада как одной из двух составляющих глобальной кампании войны за веру [17]. Данная идея нашла свое развитие. Исследователь Харлина К.Гэмбхир (Harleen K.Gambhir) из Института изучения войны (Institute for the Study of War) отмечал, что подстрекательство читателей к совершению одиночных атак на страны Запада было одной из ключевых тем англоязычного журнала «Inspire», выпускаемого «Аль-Каидой». Он видел в этом плане главное отличие данного пропагандистского издания от основного журнала ИГИЛ «Дабик» («Dabiq»), в котором долгое время делался акцент на обосновании легитимности учрежденного «халифата» и поощрении мусульман к миграции («хиджре») в него [20].

Однако в 2015-2016 годах в пропаганде ИГИЛ произошел фундаментальный сдвиг, который во многом объясняется изменением хода военной кампании в Сирии и Ираке*. Активизация военных действий против данной организации заставила ее изменить тактику, активизировав действия своих ячеек и сторонников в Европе. В разрезе пропаганды это выразилось в резкой активизации призывов к совершению терактов в местах проживания, которые распространялись через все доступные формы информирования: видео- и аудиообращения лидеров и идеологов, видеоролики, постеры, нашиды, текстовые материалы и т. д.

Так, в выпущенном летом 2016 года проигиловской хакерской группой «Объединенный киберхалифат» («United Cyber Caliphate») пропагандистском постере был размещен прямой призыв к совершению убийств «неверных» в качестве «мести за мусульман»: «О, львы-одиночки, разбросанные по всему миру. Убивайте крестоносцев, где бы вы их не встретили. За их войну против Ислама и муджахидов. Убивайте их решительно. Убивайте их жестоко».

В данном постере использована апелляция к распространенному в агитационных материалах ИГИЛ образу льва («львы халифата»). Однако применительно к террористам-одиночкам чаще используется образ другого животного - волка. Словосочетание «волк-одиночка» применяется в данном контексте как синоним «террориста-одиночки», в том числе и в экспертных кругах.

Для совершения одиночных атак сторонникам ИГИЛ было рекомендовано использовать любые доступные средства - ножи, топоры, автотранспортные средства, огнестрельное оружие и т. д. В этом, на наш взгляд, кроется одна из причин всплеска террористических атак в Европе, поскольку заметно упрощает процесс приготовления к совершению преступления и существенно расширяет круг его потенциальных исполнителей (ведь кухонный нож или топор, в отличие от взрывчатки, может без проблем добыть и использовать любой желающий).

Помимо призывов и указаний, в 2016 году медиацентром ИГИЛ «аль-Фаджр» в Интернете было размещено Руководство по прави-

---

*Французский журналист Давид Томсон, интервьюировавший боевиков из Франции в составе ИГИЛ и «Аль-Каиды», говорит о том, что переориентация ИГИЛ на глобальный джихад произошла раньше, в августе 2014 г., после начала операции возглавляемой США международной коалиции против группировки [9].

лам безопасности для моджахедов-одиночек и малых ячеек (Safety and Security Guidelines for Lone Wolf Mudjahideen and Small Cells). В нем подробно описаны инструкции по обеспечению конспирации и безопасности при подготовке и совершении терактов, касающиеся как офлайн, так и онлайн сферы.

Следует отметить, что массированное распространение пропагандистских материалов было синхронизировано с направлением соответствующих команд от руководства ИГИЛ в разбросанные по странам мира местные террористические ячейки (в том числе, «спящие») к активизации и совершению терактов в местах дислокации.

Таким образом, терроризм одиночек отнюдь не является изобретением ИГИЛ или других террористических организаций исламистского толка и имеет определенную историю развития. Однако именно ИГИЛ благодаря наличию мощной пропагандистской машины и проведению с ее помощью массированной информационной кампании удалось придать данному феномену широкое распространение в странах Запада.

Характеризуя причины распространения феномена терроризма одиночек, большинство экспертов в качестве одного из приоритетных факторов выделяют новые медиа, прежде всего интернет-ресурсы, социальные сети и мессенджеры, предоставляющие возможности для распространения экстремистских идей и коммуникации террористов в глобальном масштабе. Национальные мониторинговые и правоохранительные механизмы не являются для них непреодолимым барьером, поскольку «разнообразие контента в Сети и его сегментированность не дают возможности контролировать всю информацию, спускающуюся от «учителей веры» к потенциальным террористам-одиночкам» [15].

Е.В.Щекотин также связывает возникновение нового субъекта террористической угрозы с новыми формами коммуникации. Как справедливо замечает данный исследователь, «это не отдельное физическое лицо или организация, это некое множество, дисперсная структура, «рой» физических лиц, которые могут быть совсем не связаны друг с другом или связаны слабо. Такой виртуальный актор обладает рядом специфических свойств - он практически прозрачен для традиционных систем контроля (конструируется слабыми связями, которые не позволяют однозначно идентифицировать потенциального террориста), он не локализован (ликвидация одного сайта или виртуальной группы не означает ликвидацию самого

субъекта-множества), его переход из виртуального пространства в физическую реальность повседневного бытия спорадичен и непредсказуем (невозможно предположить, кто из членов множества и в какой момент перейдет к «прямому действию», то есть к совершению насилия, тем более средством совершения терактов для террористов-одиночек все чаще становятся вполне повседневные предметы)» [8. С. 215].

«Он не является профессионалом, посвятившим свою жизнь борьбе, - продолжает автор, - часто он слабо связан с какой-либо организацией. Эти террористы не скрываются в подполье (или в далеких горах), они находятся внутри самого общества. Террорист-одиночка не конспирируется, не прячется, не ведет незаконной деятельности, не уходит из общества. Это обыватель, который в какой-то момент спонтанно совершает теракт или массовое убийство» [8. С. 215].

Упомянутый Е.В.Щекотиным «роевой» тип террористической угрозы был ранее описан в известной работе по теории сетевых войн в связи с развитием современных информационных технологий [19]. ИГИЛ удалось в полной мере реализовать данную теоретическую концепцию, используя новейшие ИКТ и механизмы краудсорсинга для порождения массовой волны атак одиночек в разных городах земного шара.

ПОНЯТИЕ «ТЕРРОРИСТ-ОДИНОЧКА»

Под террористом-одиночкой понимается лицо, формально не входящее в состав ячейки террористической организации и самостоятельно совершающее террористический акт вследствие саморадикализации.

Ключевым отличием террориста-одиночки как субъекта террористической деятельности является отсутствие формальных связей с членами террористических организаций. Данный фактор определяет их повышенную опасность, поскольку существенно затрудняет заблаговременное выявление и пресечение противоправных действий таких субъектов. Указанные лица зачастую не состоят на специализированных учетах правоохранительных органов с окраской «экстремизм/терроризм».

Даже если спецслужбы располагают информацией о потенциальной террористической опасности, как например Халид Масуд (совершил

теракт в Лондоне в марте 2017 г., убив пятерых и ранив 49 человек), о котором знала британская MI-5, сам момент перехода террориста-одиночки от планов к действиям отследить чрезвычайно трудно [17].

Следует подчеркнуть, что принадлежность исполнителя теракта к той или иной террористической организации в большинстве случаев не известна на момент его совершения и подлежит установлению в ходе последующего расследования. Данное обстоятельство, наряду с отсутствием отдельной статистики, затрудняет количественные (долевые) оценки террористов-одиночек среди исполнителей террористических атак*. Сам по себе факт одиночного исполнения теракта является недостаточным для его идентификации в качестве атак «волка-одиночки».

С другой стороны, возникает вопрос о том, является ли количественный состав обязательным признаком описываемого феномена? Очевидно, что когда планирование и совершение теракта осуществляется организованной группой, то говорить об «одиночном терроризме» некорректно. Но как, например, оценивать расстрел в здании центра для людей с ограниченными возможностями в Сан-Бернардино (штат Калифорния) в декабре 2015 года, который совершила семейная пара - 28-летний уроженец США Сайед Фарук и его супруга, 27-летняя уроженка Саудовской Аравии Ташфин Малик, будучи при этом вдохновленными пропагандой ИГИЛ? Данный теракт многие СМИ относят к нападениям «волков-одиночек», хотя исполнителей преступления было двое. На наш взгляд, имеются аргументы как «за», так и «против» такой позиции. Тем не менее отсутствие формальных связей с террористической организацией ИГИЛ и признаки саморадикализации в принципе позволяют отнести группу исполнителей терактов (в рассмотренном случае - семейную пару) к террористам-одиночкам.

Определенную сложность для идентификации совершенной атаки в качестве нападения террориста-одиночки вносит и то обстоятельство, что террористические организации (особенно ИГИЛ) любят брать на

---

*Хотя в тематической статье в украинском издании «ЛІГАБізнесІнформ» приведены некоторые статистические данные по США и Европе: «Если в США до 2001 года волки-одиночки совершили 39 нападений (0,6 атак в год), то с 2001 по 2016 год - 84 (5,6 атак в год). В Европе за 30 лет, с 1970 по 2000 год, количество терактов одиночек возросло на 412% - с восьми до 41. С 2000 по 2014 год были совершены еще 72 атаки, в том числе и самый масштабный теракт одиночки - нападение Андерса Брейвика в июле 2011 года… С 1968 по 2010 год атаки одиночек составляли лишь 1,8% от общего количества терактов» [16]. Однако их достоверность требует проверки.

себя ответственность за подобные резонансные атаки одиночек, которых они сразу записывают в ряды своих «солдат». Но такие заявления далеко не всегда находят подтверждение в последующем. Кроме того, факт наличия организатора или подстрекателя к совершению преступления устанавливается только в процессе доказывания.

Отдельного внимания заслуживают те случаи, когда после совершенной атаки ИГИЛ не просто публикует соответствующее заявление о взятии ответственности за теракт, а размещает видео- или иной материал, в котором террорист-одиночка присягает на верность ИГИЛ и говорит о совершении будущего нападения во имя организации. Такая ситуация имела место применительно к исполнителям ножевой атаки в Сургуте в августе 2017 года и расстрелу прихожан в Кизляре в феврале 2018 года. Опубликование такого видео свидетельствует о наличии коммуникации между членами террористической организации и будущим исполнителем теракта, которая, скорее всего, осуществлялась дистанционно через интернет-сервисы. Содержание данной коммуникации может включать в себя не только простую пересылку материала, но и определенную координацию действий лица со стороны террористов.

В этой связи встает важный методологический вопрос: является ли факт наличия такого виртуального общения между лицом и представителями террористических структур признаком, исключающим определение исполнителя нападения в качестве террориста-одиночки? И будет ли ответ на данный вопрос зависеть от характера и содержания такого общения? Мы вернемся к нему чуть ниже, когда будем рассматривать критику концепции «одиноких волков».

КАНАЛЫ САМОРАДИКАЛИЗАЦИИ

Одной из отличительных черт террориста-одиночки является то, что усвоение им экстремистской идеологии и формирование психологической готовности к совершению теракта происходит не в ходе вербовочных мероприятий или обработки в составе террористической организации, а в ходе самостоятельного поиска и потребления контента террористической и экстремистской направленности.

Основным каналом саморадикализации в современном мире выступают интернет-ресурсы - интернет-сайты, видеохостинги, социальные сети и мессенджеры. Содержащийся в них контент можно

условно разбить на две большие группы - это пропагандистские и новостные материалы, выпущенные основными медиацентрами террористических организаций, и продукция индивидуальной сетевой активности сторонников ИГИЛ. Во втором случае, главным образом, речь идет о текстовых и голосовых сообщениях, которые распространяют участники бесчисленных джихадистских чатов и форумов, функционирующих преимущественно на базе мессенджеров («Telegram», «WhatsApp» и др.).

Очевидно, что заходящий на тематические ресурсы или подписывающийся на соответствующий канал индивид делает это не случайно, а уже имея определенный первичный интерес, который может быть детерминирован разными причинами (любопытство, состояние депрессии или озлобленности, целенаправленный поиск). В дальнейшем, потребляя экстремистский контент и активно обсуждая радикальные идеи в виртуальных форумах, индивид может радикализоваться и начать подготовку террористического акта. Параметры протекания данного процесса будут во многом зависеть от индивидуальных психологических особенностей лица.

Как отмечают эксперты, «просмотр материалов запрещенного в России ИГ и онлайн-радикализация в большинстве случаев не влияют на поведение в реальной жизни. Страх погибнуть или быть арестованным пересиливает все блага, которыми джихадисты прельщают потенциальных мучеников. Поэтому их «амалии» носят куда меньшие масштабы: вместо взрывов - раскрашенные автомобили, вместо казней - травля популярных в Интернете блогеров… Лишь отдельные личности из числа подписчиков подобных каналов рискуют последовать методичкам, остальные же продолжают оставаться «опасными» лишь на просторах сети. И отчаянно нуждаются в примере, который их «вдохновит». Поэтому версии об аффилированности 22-летнего смертника Акбаржона Джалилова с ИГ служат «диванным муджахидам» доказательством могущества террористов и косвенно призывают их к активным действиям» [14].

Могут ли в процессе саморадикализации быть задействованы иные каналы? Полагаем, что да. К ним могут быть отнесены межличностное общение с друзьями и родственниками, прослушивание проповедей и лекций в радикальных мечетях, молельных домах (комнатах) и иных помещениях, общение с радикальными идеологами в местах лишения свободы. Однако данные каналы коммуникации носят групповой характер и в случае успешной радикализации

чаще всего будут способствовать вхождению индивида в состав соответствующих ячеек террористических организаций. Хотя вполне можно допустить и такой сценарий, при котором лицо, заразившись радикальной идеологией в составе коллектива, в дальнейшем выйдет из его состава (например, разочаровавшись в нем) и продолжит реализацию своих террористических планов в одиночку.

Тем не менее очевидно, что базовым каналом саморадикализации будущих «волков-одиночек» являются интернет-ресурсы, взаимодействие с которыми осуществляется в индивидуальном формате. Групповые чаты и форумы не нарушают этого правила, поскольку их участники в основном действуют анонимно и не общаются друг с другом в реальной жизни.

ПОРТРЕТ ТЕРРОРИСТА-ОДИНОЧКИ

Как отмечается в аналитическом материале RT, «нарисовать собирательный психологический и социальный портрет террориста новой формации непросто. Достаточно вспомнить последние атаки, совершенные джихадистами-одиночками, чтобы понять, насколько разнородны саморадикалы - по возрасту, социальному статусу, семейному положению. В Сан-Бернардино это была вполне благополучная семейная пара - гражданин США Сайед Фарук и его жена с документом «вид на жительство», в поезде на Вюрцбург - юный беженец из Афганистана, в Орландо - гражданин США афганского происхождения с дипломом о высшем образовании в кармане и непыльной работой, в Ницце - тунисец с французским гражданством, тоже не бедствовавший и давно вышедший из подросткового возраста…» [16].

Очевидно, что социальные факторы (отсутствие жилья и работы, социальных лифтов, неудовлетворенность своим положением в обществе) играют в процессе саморадикализации важную роль. И в этом плане одной из наиболее уязвимых социальных групп для взращивания террористов-одиночек выступают мигранты. Об этом свидетельствуют как характеристики личности исполнителей большинства подобных терактов в странах Европы*, так и многочислен-

*Так, например, исполнитель теракта во французской Ницце, 31-летний выходец из Туниса Мохамед Лауэж-Булель находился в тяжелом финансовом положении из-за бракоразводного процесса и необходимости оплаты аренды нескольких квартир.

ные факты задержания сотрудниками российских правоохранительных органов сторонников террористических организаций из числа трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. В последнем случае, правда, необходимо оговориться, что речь преимущественно идет о формировании автономных ячеек террористических структур, а не об одиночках.

Однако, сведéние причинного комплекса терроризма одиночек исключительно к факторам социальной маргинализации и обусловленной ею психологической фрустрации является ошибочным. Это легко доказывается на нескольких реальных примерах таких личностей, которых никак нельзя отнести к социальным маргиналам (например, упомянутый Андерс Брейвик был коренным норвежцем и активно занимался бизнесом, являясь управляющим директором нескольких компаний).

Более правильной, на наш взгляд, является мысль упоминавшегося выше французского журналиста Д.Томсона о том, что объединяющей чертой современных джихадистов является разочарованность в религии, социуме, семье и т. д. [9]. Эта утрата иллюзий приводит часть подобных людей к радикальной идеологии, которая уже содержит готовые и простые ответы на то, почему так произошло и как нужно поступать в такой ситуации.

Известный российский специалист Сергей Ениколопов, заведующий отделом клинической психологии Научного центра психического здоровья РАМН, говорит о том, что террористов-одиночек объединяет психическая неустойчивость [16]. Во многом соглашаясь с таким мнением, хотим отметить, что этот фактор является необходимым, но недостаточным условием для полноценной радикализации лица. В большинстве случаев в ее основе лежит экстремистская идеология. Данную мысль четко выразил эксперт Московского центра Карнеги Александр Баунов: «Массовые убийства всегда можно трактовать как психическую ненормальность. Конечно, ненормально сесть в грузовик и начать давить людей. Другое дело, что психическая ненормальность такого рода всегда находит то или иное идеологическое прикрытие» [13]. В большинстве случаев террористов-одиночек мотивируют религиозные убеждения и праворадикальные взгляды [17].

В связи с вышеизложенным следует сделать вывод, что, вопреки расхожим представлениям, современные террористы-одиночки в большинстве своем представляют модель террориста по идеологическим,

политическим и религиозным убеждениям, нежели психопатологического или социально-патологического типа развития личности [4].

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ТЕРРОРИЗМА ОДИНОЧЕК

Сама концепция терроризма одиночек уже неоднократно подвергалась критике со стороны представителей экспертного сообщества. Основным ее недостатком специалисты называют тезис об отсутствии каких-либо контактов «волков-одиночек» с террористическими организациями, который во многих реальных случаях совершенных нападений оказывался мифом.

Так, авторитетный израильский эксперт в области борьбы с терроризмом в Интернете, профессор Хайфского университета Габриэль Вайман утверждает, что в современном мире террористов-одиночек не бывает. «За такими террористами всегда кто-то стоит. Кто-то их обучает, кто-то ими руководит, кто-то им платит. И практически всегда это происходит в Интернете... Все террористы-одиночки последнего времени, идет ли речь о Франции, Бельгии, США или Германии, участвовали в каких-то онлайновых радикальных сообществах. Они скачивали ролики и пособия, где подробно объяснялось, как организовать теракт. К примеру, братья Царнаевы, устроившие в 2013 году теракт на Бостонском марафоне, изготовили бомбу по инструкциям, скачанным в Интернете» [13].

Схожие мысли высказал и американский исследователь Дэвид Гартенштейн-Росс (Daveed Gartenstein-Ross) в статье с говорящим названием «Миф о терроризме волков-одиночек», опубликованной в журнале «Foreign Affairs» в июле 2016 года [21]. Изложенные в ней аргументы заслуживают подробного рассмотрения.

Автор отмечает, что СМИ часто торопятся навесить на исполнителя теракта ярлык «волка-одиночки», то есть индивида, у которого отсутствуют устойчивые связи с ИГИЛ или другими джихадистскими группами, совершающего атаки без внешней помощи. В дальнейшем такие оценки осуществленного теракта в силу многократного тиражирования в массмедиа становятся доминирующими, хотя в ходе расследования может быть установлена связь его исполнителя с террористическими ячейками.

По мнению данного эксперта, установка на подобные скоропалительные оценки является вредной, поскольку она исключает прове-

дение полноценного анализа связей исполнителей теракта и выявления его подстрекателей. Так, автор приводит свидетельства того, что по многим терактам в Европе 2016 года (нападение в поезде в немецком Вюрцбурге, атака на пешеходов на набережной в Ницце и др.), которые изначально оценивались как атаки террористов-одиночек, имеются данные о наличии сообщников и связей с координаторами из ИГИЛ.

Гартенштейн-Росс рассматривает упущение из внимания связей между террористами-одиночками и ИГИЛ в качестве элемента более широкой и устойчивой тенденции недооценки масштабов распространения джихадистских сетей в странах Запада. В качестве примера он приводит результаты официального расследования атаки террористов-смертников 7 июля 2005 года в Лондоне, установившего, что ответственность за ее совершение несет автономная самостоятельная террористическая структура, скорее всего не имеющая отношения к «Аль-Каиде». Однако данный вывод следствия был затем опровергнут в выпущенном в 2006 году пропагандистском видеоролике «Аль-Каиды», в котором содержится запись совершенного самоподрыва в лондонском метро, сделанная лидером группы террористов Мохаммедом Сидик Ханом. На видео один из лидеров «Аль-Каиды» Айман аль-Завахири заявил, что исполнители теракта в Лондоне Хан и Шехзад Танвер проходили обучение в тренировочном лагере по подготовке смертников в Пакистане, что позднее было подтверждено западными спецслужбами.

В своей статье автор делает несколько парадоксальный вывод о том, что оценка совершенных терактов как действий террористов-одиночек может быть обоюдовыгодна как самим джихадистам, так и властям. Руководители региональных террористических ячеек могут поддерживать такие версии, чтобы, во-первых, скрыть свою причастность к организации нападений, а во-вторых, использовать их в качестве «дымовой завесы» для сокрытия планируемых гораздо более масштабных террористических актов.

Что касается властей и аналитиков, то они могут придерживаться данной версии для того, чтобы обосновать «объективную» неспособность превенции таких атак, снимая тем самым с себя ответственность (ведь если террористические сети власти обязаны выявлять и пресекать, то обнаружение потенциального преступника-одиночки является крайне затруднительным). Кроме того, здесь могут играть роль и некоторые политические соображения, напри-

мер нежелание властей проводить масштабные силовые акции по зачистке террористических ячеек.

Гартенштейн-Росс не отрицает влияния цифровой эры на изменение механизма радикализации и планирования террористических атак, подчеркивая, что в эпоху бума социальных сетей и шифрованных коммуникаций они могут происходить целиком в онлайн-режиме. В этой связи автор предлагает альтернативную концепцию четырех видов атак по критерию убывания связей с террористическими организациями.

В первом виде исполнители терактов готовятся и направляются террористической организацией. Во втором виде террористических атак действия исполнителей координируются виртуальными консультантами, которые определяют цели и время совершения нападений, а также оказывают им техническую помощь. В третьей группе исполнители терактов контактируют с членами исламистских групп через онлайн-сервисы, но не получают от них инструкций по механизму совершения атак. И, наконец, четвертый вид атак совершается настоящими «одинокими волками», не имеющими вообще никаких контактов с джихадистскими сетями в реальной жизни или онлайн. Как отмечает автор, в реальности очень малое число лиц, на которых навесили ярлык террористов-одиночек, соответствуют указанной четвертой категории [21].

Авторы считают изложенные критические аргументы вполне обоснованными и правильными. Но какие выводы из этого следуют? Что касается базовой установки для сотрудников следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов об обязательной отработке связей исполнителя любого теракта с террористическими организациями, в том числе в случаях, когда кажется, что действовал одиночка, то она является бесспорной и должна быть принята в качестве неотъемлемого правила. Помимо надлежащей квалификации совершенного теракта и выявления всех причастных к нему лиц, это позволит на практике вскрыть звенья скрытой террористической сети и пресечь их деструктивную деятельность.

Сложнее дело обстоит с самой концепцией одиночного терроризма. С одной стороны, можно игнорировать изложенные выше аргументы и настаивать на рассмотрении феномена терроризма одиночек в его «чистом виде», когда лицо «готовит и выполняет нападение самостоятельно, без какой-либо организационной, материальной или иной помощи со стороны других террористов, групп

или организаций» [17] и при этом также не поддерживает виртуального общения с другими радикально настроенными лицами. Однако такая позиция исключает из сферы научного анализа большинство случаев реальных терактов, совершенных одиночками.

Полный отказ от самой концепции по причине ее несостоятельности также не является выходом, поскольку тем самым мы растворяем в массиве предметного поля терроризма некоторую его часть, обладающую определенной целостностью и выраженной спецификой.

В этой связи полагаем целесообразным пожертвовать чистотой и непротиворечивостью концепции терроризма одиночек и произвести ее трансформацию с учетом изложенной критики. Прежде всего, *из дефиниции и перечня признаков терроризма одиночек следует исключить указания на отсутствие какой-либо внешней помощи в подготовке терактов и коммуникации с другими сторонниками радикальных идей. Данные признаки следует рассматривать в качестве вариативных.*

Механизм саморадикализации одиночек в модернизированной концепции допускает виртуальное общение лица как с другими сторонниками террористических и экстремистских организаций, так и непосредственно с их представителями. Виртуальная коммуникация может состоять в обмене радикальными идеями, взаимном подстрекательстве к совершению терактов, оказании интеллектуального пособничества (содействии преступлению советами, указаниями, предоставлением информации) и даже дистанционных планировании и координации действий одиночки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что в современном мире вследствие активного развития электронных коммуникаций и интернет-сервисов существенно расширились возможности по самостоятельной радикализации отдельных лиц, планированию и совершению ими террористических актов. Террористическая организация «Исламское государство» ловко воспользовалась данной ситуацией, сумев путем массированной глобальной пропагандистской кампании инспирировать множественную серию террористических атак своих сторонников в городах западных и иных государств. Данный паттерн террористической угрозы отчетливо зафиксировался в каче-

стве примера эффективной тактики террористической деятельности и, несомненно, будет использоваться другими радикальными организациями джихадистского и иного толка в дальнейшем.

Современный взгляд на феномен терроризма одиночек в цифровую эпоху требует пересмотра их устоявшегося восприятия как отшельников, в одиночку проходящих тернистый пусть саморадикализации и выходящих на тропу террористической деятельности. Напротив, отсутствие формальной принадлежности и живого общения с членами террористических структур в реальной жизни с лихвой компенсируется ими в виртуальном пространстве в многочисленных группах, чатах и форумах радикальной направленности, где они могут подпитываться экстремистскими идеями, получать необходимую информацию и поддержку со стороны других участников радикального виртуального сообщества, сохраняя при этом свою анонимность.

Однако эта скрытая виртуальная деятельность часто не отбрасывает никакой тени в пространство реальной жизни, где такое лицо продолжает оставаться для окружающих спокойным соседом или вежливым охранником супермаркета, ускользая тем самым от механизмов социального контроля, включая правоохранительную систему. Происходит это до того момента, как, взяв в руки нож или другое орудие, такой одиночка не отправляется воплощать свои кровавые террористические замыслы.

В этой связи требуется проведение дальнейших исследований феномена терроризма одиночек с позиций криминологии и иных отраслей научного знания с целью выработки рекомендаций для правоохранительных и иных государственных органов по предупреждению и борьбе с данным современным проявлением террористической угрозы, отражающей общую трансформацию терроризма в цифровую эпоху.

Список литературы

1. *Бояр-Созонович Т.С.* Проблемы классификации современного терроризма. М., 1989.

2. *Матчанова З.Ш.* Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ. СПб., 2015.

3. *Миньковский Г.М., Ревин В.П.* Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. №8. С. 84-91.

4. *Соснин В.А.* Психология современного терроризма: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2015.

5. Терроризм в современном мире. 2-е изд. / под ред. В.Л.Шульца; Центр исследования проблем безопасности РАН. М.: Наука, 2011.

6. *Устинов В.В.* Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. №5. С. 27-36.

7. *Чухвичев Д.В.* Терроризм: история и современность // Труды Московской государственной юридической академии. 1997. №1. С. 104-118.

8. *Щекотин Е.В.* Феномен «атомарной гражданской войны»: терроризм одиночек как вызов современному миру // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 214-216.

9. «В евродиснее джихада»: Французский журналист Давид Томсон рассказал, как и почему выходцы из Франции становятся джихадистами // Профиль. 11 декабря 2015 г. // http://www.profile.ru/politika/item/102225-v-evrodisnee-dzhikhada (дата обращения: 12.12.2015).

10. Главной угрозой мира могут стать террористы-одиночки // Военное обозрение. 1 августа 2011 г. // https://topwar.ru/5890-glavnoy-ugrozoy-mira-mogut-stat-terroristy-odinochki.html (дата обращения: 19.02.2018).

11. Игорь Сундиев: о противодействии экстремизму в сети Интернет // Мусульмане России: официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 14 октября 2016 г. // http://dumrf.ru/common/event/11375 (дата обращения: 11.03.2018).

12. Кровавое воскресенье: в Дагестане расстреляли православных // Лента.ру. 18 февраля 2018 г. // https://lenta.ru/brief/2018/02/18/dagestan/ (дата обращения: 19.02.2018).

13. «Круглый стол» «Террористов-одиночек не бывает» // Лехаим. 20 июля 2016 г. // https://lechaim.ru/events/terroristov-odinochek-ne-byvaet/ (дата обращения: 20.03.2018).

14. Мамкины шахиды. Почему российские подростки становятся террористами // Лента.ру. 7 апреля 2017 г. // https://lenta.ru/articles/2017/04/07/diwan/ (дата обращения: 09.04.2017).

15. *Мартынов К.* Террористы опростились // Новая газета. 16 сентября 2017 г. // https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/16/73875-terroristy-oprostilis (дата обращения: 06.02.2018).

16. *Оганджанов И.* Сделай сам: террорист-одиночка шагает по планете // RT на русском. 20 июня 2017 г. // https://russian.rt.com/article/313102-sdelai-sam-terrorist-odinochka-shagaet-po-planete (дата обращения: 22.06.2017).

17. Террор будущего. Кто такие террористы-одиночки // Информационное агентство ЛІГАБізнесІнформ. 22 февраля 2018 г. // http://news.liga.net/world/articles/terror_budushchego_kto_takie_terroristy_odinochki (дата обращения: 12.03.2018).

18. *Ямусья М.Я.* Террор ножей. Интифада или «случайности» одиночек? // Кругозор: интернет-журнал. 2015, декабрь // http://www.krugozormagazine.com/show/article.2833.html (дата обращения: 14.03.2018).

19. *Arquilla J., Ronfeldt D.* Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Rand Corporation, 2001.

20. Dabiq: The Strategic Messaging of the Islamic State // Institute for the Study of War. 15 August 2014 // https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Dabiq%20Backgrounder_Harleen%20Final.pdf (дата обращения: 12.07.2014).

21. *Gartenstein-Ross D.* The Myth of Lone-Wolf Terrorism. The Attacks in Europe and Digital Extremism // Foreign Affairs. 2016, 26th July // https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/2016-07-26/myth-lone-wolf-terrorism (дата обращения: 29.07.2018).

22. *Harel A.* First Signs Emerge of ISIS-inspired Lone-Wolf Terrorism in Israel // Haaretz. July. 5, 2016 // https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-first-signs-emerge-of-isis-inspired-lone-wolf-terrorism-in-israel-1.5405511 (дата обращения: 12.03.2018).

23. *Savage S.* Israel's Homegrown Islamic State Threat Grows Larger // The Algemeiner. January 18, 2016 // http://www.algemeiner.com/2016/01/18/israels-homegrown-islamic-state-threat-grows-larger/ (дата обращения: 12.03.2018).

Ключевые слова: терроризм одиночек, ИГИЛ, коммуникации, интернет-сервисы, концепция «одиноких волков», психическая неустойчивость, цифровая эра.